

Лора & Джонни
Джек & Лейн

Лингвомодели
Иных
Миров

Завихрения

Сборник рассказов

Лора Джек

**Лингвомодели Иных
Миров / Завихрения**

«Автор»

2025

Джек Л.

Лингвомодели Иных Миров / Завихрения / Л. Джек — «Автор»,
2025

Сборник фантастических и метафизических рассказов, объединённых ощущением нестабильного мира, где реальность легко смещается, расслаивается и вступает в диалог с памятью, страхами и желаниями. Поджанры здесь варьируются от ироничной фантастики и философского абсурда до тёмного фэнтези и сказок с пугающим подтекстом. Сквозные темы сборника – утрата и подмена памяти, хрупкость реальности, ответственность за «норму», власть традиций и цена их разрушения. Особое место занимает мотив Памяти Предков и коллективных мифов, которые либо удерживают мир от распада, либо сами становятся источником катастрофы.

© Джек Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Кондитерский бар на углу, за углом, под углом	5
И тут пришёл Тритон	10
Голова	14
Поливать, пересаживать	18
И Древняя Тьма накрывает наш стол	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лора Джек, Джонни Лейн

Лингвомодели Иных Миров / Завихрения

Кондитерский бар на углу, за углом, под углом

– Не сходить ли нам куда-нибудь? – спросила Ида, и я понял, что мы в каком-то из тех измерений, где всё время надо куда-нибудь ходить. В крайнем случае лежать, но случай не был похож на крайний, и я сказал:

– Конечно, дорогая.

– Мы тоже, мы тоже! – загалдели и запрыгали дети. Здесь они и в самом деле были детьми. Среднезрелыми такими, крепко стоящими на ногах, а в данном случае даже прыгающими.

– Успокоились. Евгений, Леночка! Успокоились – и одеваться, – по-матерински, бесконечно любя, но пребывая в рамках ответственности, распорядилась жена. Ах вот оно как, Евгений и Елена (а может, так и было).

Не знаю, сколько времени ушло на сборы – я собирался автоматически, наслаждаясь динамическими видами и парадоксальными законами этого измерения. Всё куда-то плыло, но отчего-то не уплывало, хотя никак не удавалось поймать тот момент, когда же оно возвращается на прежние позиции. Вот шкаф, вот столик, и они как в медленном потоке, они всё время отдаляются, всё дальше и дальше, до свидания, шкаф, до свидания, столик... но здравствуйте, шкаф и, разумеется, столик, вот вы и здесь, вот вы и здесь!

Некоторые предметы перетекали друг в друга, а некоторые выскакивали словно бы ниоткуда, тихонько приветственно щёлкая.

– Привет, – ответил я одному такому.

– Если что, это кошачья чашка.

– У нас есть кошка?

– У нас есть чашка, – улыбнулась Ида. – Вообще-то кот. Крюшон. Крюша, кс-кс-кс! Спит где-нибудь.

Я заметил, что Ида надела на тоненькую себя одно, другое, третье и украсила лицо чем-то совершенно замечательным. Замечательным, но скажу как на духу, совершенно не обязательным – нет никого, нигде и никогда прекраснее Иды. Кстати, у неё и память прекрасная. Гораздо лучше, чем у меня.

Всё изменялось и пощёлкивало, изменялось и пощёлкивало.

Я щёлкнул языком, потом пальцами, потом вдруг спросил:

– Мы ведь никогда не разминёмся?

– Почему ты об этом спрашиваешь? – она перестала собираться и смотрела на меня с удивлением.

– Не знаю. Столько пространств, столько времён...

– Я всегда с тобой, – убеждённо, не сводя с меня своих прекрасных глаз, сказала Ида. – Я всегда с тобой, даже если тебе покажется, что нет.

– Ты всегда со мной, даже если мне покажется, что нет. Мы уже были в этом измерении?

– Были в очень похожем. А ты совсем ничего не помнишь?

– Нет, ну кое-что-то да... Солнце?

– О да! Тут такое солнце!

Мы отправились в кондитерский бар на углу. Или за углом, я в этих углах никогда так уж хорошо не разбирался.

Солнце не подвело, сияло как это мало где бывает. Улица текла сразу во все стороны и сразу вся – занятые исключительно собой и фотосинтезом растения, жилые коробко-панели,

фонари, бодро отражающие натиск светила, всё-всё-всё-всё. Поверхность под ногами щёлкала так часто, что это воспринималось сплошным шипением, но чаще всего выскакивали небольшие камни и вспухали маленькие аккуратные горочки, в целом поверхность держалась довольно уверенно. Широким столбом всё взмыло к небесам только раз, да и то не под ногами и не перед носом, а где-то сбоку. Мне было приятно просто смотреть, просто перебирать конечностями в удобной и почти не изменяющейся обуви, и я знал, что Ида тоже. Дети бежали впереди и тоже были довольны. Но где же все остальные? Отчего так безлюдно?

– Отчего так безлюдно? Совсем никого.

– А кто тебе нужен? – с интересом спросила Ида, как будто намереваясь это учесть и исправить.

Я незаметно смутился, но ответил без всякой заминки:

– Никто, дорогая. Никто, кроме тебя и наших крох. Но всё-таки до странного пусто...

Едва я это договорил, как послышался женский окрик: «Постойте! Подождите!». Нас догоняла низкорослая рыжеволосая толстушка. Плясали её крупные кудряшки, плясала свисающая с плеч цветная накидка, ноги тоже как будто не просто бежали, а ещё и приплясывали. Мы окоротили детей, чтобы они не убежали за горизонт, и остановились в ожидании.

– Ох... – выдохнула она. – Помогите!

– Вас кто-то преследует? Вы что-то потеряли? – начал я перечислять приходящее на ум.

– Я сама... – Она никак не могла отдышаться. И голос у неё был такой... готовый сорваться. Низенькая и полная, она казалась карапузом на каблучках. Несмотря на зарождающееся во мне раздражение, карапузом довольно милым. – Я сама, сама потерялась! Открываю глаза – и не пойму, где я. Не помню, почему я их закрывала. Не пойму, куда идти!

Мы с Идой переглянулись, обмениваясь недоумениями и пытаясь сформировать некое подобие общего решения. Подобие не формировалось. Взгляд Иды говорил: ей надо помочь! Мой взгляд выражал нечто противоположное. Я без всяких оговорок оказал бы незнакомке прямую и ясную посильную помощь, но помогать ей найтись... Только что (минут десять назад, если время здесь линейное, что совсем не факт) я не нашёл, где спит Крюшон, а пока искал, был оцарапан беспардонно дёрнувшимся в мою сторону суккулентом. Каким образом я отыщу координаты, нужные этой излишне взволнованной даме? Но Ида настаивала. «Надо хотя бы попытаться!» – говорили её прекрасные, а на данный момент ещё и строгие глаза.

– Не переживайте с такой интенсивностью, – сказал я с небольшой (с необходимой, как я посчитал) прохладцей. – Помочь так помочь, надо так надо. Как вас можно называть?

Толстушка перестала дышать так прерывисто, она, наоборот, затаила дыхание и посмотрела на меня совсем по-другому. Внимательно.

– Лида, – сказала она.

– Итак, Лида. В чём может заключаться помощь? – спросил я, потирая руки (насколько я помнил, этот жест должен выражать готовность к полезному действию).

– Мне бы телефон, – сказала она. – Номеров я не помню, но ведь можно и в скорую. Или в полицию.

И вот тут поверхность серой шершавой лентой взметнулась из-под ног и весьма чувствительно шарахнула меня по затылку! Я упал на четвереньки. Подо мной стремительно росло нечто вроде холма. Ида и дети скатились по одну его сторону, а толстушка Лида – по другую. Дорастив себя приблизительно по верхушку ближайшего дерева, холм на мгновение застыл, а потом весь затрясся, заходил ходуном, и меня выкинуло к семье.

– Да, спонтанность. Да, хаотичность. Однако и семейные ценности! – пошутил я, отряхиваясь. – Ну? Мы идём или как?

– Идём, идём!

Но это дети. А Ида стояла задумчивая. Такая задумчивая, что меня словно и не услышала.

Я коснулся её плеча.

– Дорогая...

– А как же Лида? – спросила она.

– Ей поможет кто-то ещё. Мы не лучшая кандидатура, это же ясно!

– Но тут и правда никого. Как ты и говорил, бесчеловечно.

– Я говорил, безлюдно.

Из-за холма появилась Лида. Она опять бежала, но на этот раз ещё и оглядывалась. Увидев нас, она замахала обеими руками.

– Как хорошо... Как хорошо, что вы здесь! Там компания! Я попробовала стучаться в окна, чтобы позвонить...

– И что же окна? – спросил я. Без прохладцы. С конкретным уже морозом.

– Ничего. Дайте, пожалуйста, телефон!

– Пожалуйста, – полез я в карман, другой... Я плохо представлял себе искомое, но не настолько плохо, чтобы не понять: у меня его нет. Всё, что есть, не оно, им быть просто не может. Я вопрошительно посмотрел на Иду. Она опустила глаза и отрицательно pokrutila головой.

– Телефона, к сожалению, нет, – не особенно сдерживая злорадство, озвучил я. Информация предназначалась Лиде, а злорадство – Иде. Говорил же, мы не лучшая кандидатура!

– Куда вы идёте? Можно я пойду с вами? – умоляющим голосом спросила Лида.

– То есть зачем?

– То есть пока ночь. Утро же скоро уже? Сколько сейчас времени?

– Много, – сказал я многозначительно. И ещё более многозначительно посмотрел на Иду. Видишь, дорогая? У неё сейчас ночь. Что ещё? Сиреневые пони? Златозубые драконы? – Идти, Лида, в бар с бисквитами и мороженым вам никто не запретит, – великодушно объявил я. Великодушно, но не сказать чтоб сильно доброжелательно. Никто не виноват, если кто-то сошёл с ума.

И мы опять направились в бар, только теперь уже с Лидой. Дети по-прежнему бежали далеко впереди, а Лида плелась где-то сзади. К её чести надо сказать, было заметно, что ей неудобно нарушать семейную герметичность нашего променада. Иногда я оглядывался. Чисто рефлекторно, сам не зная зачем. И вот, в очередной раз оглянувшись, я нашу новую знакомую не обнаружил.

– Что скажешь? Предложишь её искать? – поинтересовался я, не спеша спешиваться с конька злорадства.

Дети, успевшие добежать до бара и вернуться обратно, к нам, притихли в ожидании ответа.

– Не предложу. Пойдёмте, – сказала Ида вполне определённо. Но вид её оставался задумчивым.

В баре было тоже пусто. Кондитерша, естественно, имелась – дородно-плодородная такая матрона, но отчего-то не румяная, а бледная – а больше никого. И это очень зря, здесь было хорошо, хорошо по-другому, чем на улице. Бар проявлял довольно высокую степень стабильности, почти ничего никуда не смещалось и совсем редко что-нибудь выскакивало. Тёмный потолок мягко, невесомо колыхался и, казалось, держался на единственной неподвижной детали – на скруглённом углу тонкого светильника. Ветки, облепившие стены от пола до потолка, были живыми или искусно это имитировали. Листья шумели, шептались у самых ушей. Было свежо...

Дети насытились так быстро, что сверкнула мысль – а стоило ли приходить? Но Ида повеселела, и я повеселел вслед за нею.

– Хорошее измерение. Планета?

– Да. – Ида ела мороженое так вкусно, как умеет только она. – Но некоторые считают, что не планета, а диск.

– Диск? Прямо так, в голом пространстве?

– На слонах.

– Что ж, неплохо. А слоны?

– На черепахе.

– Мне определённо нравится.

– Правда?

– По-моему, отлично.

– По-моему, тоже. А ещё... так и есть. – Ида сказала это заговорщицким шёпотом. Она хитро улыбалась, мороженое не кончалось, дети носились по бару (как удобно – никому не мешая!). Вместе со сладким холодком по желудку растекались удовольствие и покой.

– Кстати, а вкусно, – сказал я.

– Да. Только маленькие. Парковые.

В глазах потемнело. Потемнело, а потом стало светлее, а с одной из сторон и совсем светло. Там что? Там что, рассвет?..

Я сидел на скамейке. Над головой тонкий месяц. В руке надкушенное яблоко. Чуть наискосок от меня – дородно-плодородная парковая скульптура, а на другой искосок, на такой же скамейке – Лида.

– Где все?!

– Они за нами не пошли.

– Кто не пошёл, куда не пошёл? – не мог я взять в толк, что происходит.

– Та компания.

– Какая компания? Господи, я брежу?... Где моя жена, где мои дети?

– Дети? – удивилась Лида. – Вы так и были.

– Как «так»?

– Один.

– Невозможно, это невозможно...

– Возможно. Если так и есть, – осторожно возразила она. – А я ведь всё вспомнила! Я на Кольцевой живу. Вон мой дом, одноэтажка за автобусным кольцом. Третье и четвёртое окна слева. А с памятью такое это после аварии.

– Третье, четвёртое... – Я просто бормотал. Не знал, что говорить. Что делать. Что дальше. Сиреневые пони? Златозубые драконы? Никто не виноват, если кто-то сошёл с ума...

– И почему вы ещё не дома?

– А как же вы?

Под ногами и в кронах деревьев что-то иногда пощёлкивало, но совсем иногда. Редко. Лидин дом с его третьим и четвёртым окном никуда не уплывал, только иногда чуть заметно вздымался и опускался, как будто дышал. По утрам здесь, надо думать, стабильнее, чем... Чем когда?

Начал собираться клочковатый туман. Из листвы слышались птичьи трели, нечёткие, приглушённые. Звуки утопали в тумане, как в поролоне.

– С кем я разговаривал, если не с Идой?

– Про слонов? Со мной. Подкиньте яблоко.

– Брррр, – потряс я головой, не понимая.

– У вас в руке яблоко.

– Так.

– Подкиньте его как можно выше.

Я подкинул. Как можно выше. Сверху, из тумана, вынырнул гигантский хобот – и сразу же снова исчез.

– Поймал! – обрадовалась Лида. Сорвала и подкинула яблоко сама. Хобот – секунда – нет хобота. – Опять поймал! Видите?

Я не был уверен, поймал ли. Во-первых, туман. Во-вторых, это странно. Хобот огромный, а яблоки маленькие, парковые. Но я сказал:

– Конечно, вижу.

– Пойдёмте, – протянула мне руку Лида, и я вспомнил, что мы в каком-то из тех измерений, где всё время надо куда-нибудь ходить.

И тут пришёл Тритон

Всегда считал, что такое бывает только где-то и с кем-то, а тут случилось со мной. Сразу извиняюсь за «что вижу, то пою», просто хочу, чтобы вы могли представить, как всё было, а жечь глаголом – ну, это уже как получится).

Ночь с пятницы на субботу. Баиньки не иду, наоборот тяну время, просто отдыхаю. Честно говоря, устал за неделю как три коня, даже сквозь чил какая-то невнятная тревога пробивается. Ну а чилю я как – сижу в преферансе и варфейсе параллельно, типа – баланс, счастье в гармонии. Мой барбосище (эрдель, зовут Тоша) лежит рядом, иногда поднимает голову и смотрит на меня. При этом у него примерно такой вид – ну как там? побеждаем? Я киваю.

Тяну я не только время, но и пиво. В общем, с пивка всё и началось. (На самом-то деле с тревоги, но тогда я был уверен, что с пивка.)

Протягиваю в очередной раз руку за банкой – а банки-то и нет. Вселенная, где??? Дело даже не в алкоголе. Мелочь, а неприятно, когда у тебя прямо из-под руки пропадают предметы.

Я даже встаю, чтобы поискать, хотя понятно, что это глупо. Результат? Предсказуемо нулевой.

Напрашивается вывод: я забыл, что уже допил, а банку выкинул. Мне этот вывод не нравится, он предполагает у меня склероз 80 лэвэл, и я иду смотреть в мусорке. Результат? Нулевой.

Пёсель наблюдает за моей суетой, как мне кажется, с некоторым сочувствием.

Если б на этом и закончилось, то ладно бы, простил бы я вороватой вселенной одну несчастную баночку. Поудивлялся бы, простил и отпустил. Но на этом, как вы понимаете, – не закончилось.

Свет в комнате как бы приглушили, он стал пришибленно-синим, совсем каким-то нежилым (или неживым). Софиты вдруг начали источать такую ядовитую синьку, что с души воротило. Ладно, терплю. Всякое, думаю, бывает, может, сейчас (или хотя бы через час) пройдёт.

Возвращаюсь таки в свой варфейс, и часа на полтора мне удаётся забыть про всю эту херь. Ношусь, шум стоит до потолка, вернее стрельба, а горящий монитор, спасибо ему с зарплату нашего шефа, просто напрочь отвлекает от непонятно откуда напозшей сини.

И всё равно что-то напрягает всё больше и больше. Так, как бы на заднем плане. Какие-то звуки, которые пробиваются даже сквозь стрельбу. Не потому что громкие, а как раз наоборот. Что-то там, между выстрелами, шуршит и как бы даже вздыхает.

Заскулил барбос. Я отвёл глаза от монитора – и охренел. Так вот где моя банка! Где-где – в воде! В болоте, вернее. Плавает алюминиевым поплавочком, родная.

Только представьте: место паласа занимает болотце, те же 2,5 x 2, только не ворсистый мой паласик, а натуральное болотце. Ряска там по нему и всё такое. И всё это ползёт в мою сторону, а мой пёсель медленно в него опускается!

Наверно, от какого-то своего собаченского офигения он даже лапами не дрыгал, вообще никак не пытался сопротивляться. Просто смотрел, как уходит всё ниже. Ну, вот разик скульнул. Ушёл уже по самое пузо.

Буквально в этот же момент я услышал очередной вздох – ниоткуда, просто в комнате, в воздухе – и сразу за ним далёкий, но явственный звук колокола. Всё стало ясно как 2 x 2 и даже ещё яснее. Я подскочил как подорванный. Так колдовство же! И сильное. Не фигнюха какая-нибудь, когда Вася для Маши букетик через две улицы мутит, а серьёзная штука. Погребальное что-нибудь, проклинальное, в общем, я не специалист, надо было срочно специалистам звонить.

Смартфон, благо он был тут же, на столе, – в карман. Барбосищу – под пузо и на волю, то есть из этой проклятой водицы (болотце, надо сказать, хоть и проклятое, но совершенно непачкучее оказалось, и как бы это сказать... скажу как было: немокрое).

Вдоль стеночки мы с пёселем добрались до дивана, и тут я понял, что всё это мы очень вовремя проделали. Из прихожей раздались звуки, которые на несколько секунд буквально парализовали (не знаю, как их назвать, суперскрежет?), а из водицы, прямо посерединке, попер широченный деревянный крест.

Сначала я, конечно, не понял, что это крест, палка да и палка, но когда показалась пере-кладина, меня прошиб холодный пот. Уж поверьте, это впечатляло – охренительный этот синий свет, где-то вдалеке фигачит колокол, в прихожей скрежещет, а посреди моего зала растёт крест.

И ещё я вдруг понял, что кроме всего происходящего снаружи, мне ещё и на мозги что-то сильно капает. Не знаю, что это за «кислота», но сознание подрагивает от каждой такой капли. Просто рябь проходит по всему, что видишь и слышишь. И пока она проходит, всё та же тревога долбит так, что орать хочется.

Пёсель тоже чувствовал себя не ахти. Он, насколько мог при своих тридцатикилограммовых габаритах, забился в угол дивана, смотрел на крест и беззвучно скалился.

Я лихорадочно науглил пять штук номеров соответствующих служб и принялся их обзванивать, живописуя обстановку.

Время – полвторого ночи. Выслушивали меня сравнительно терпеливо, но вот потом... Муниципальная служба без обиняков сообщила – выедут только утром. Причём всё равно платно, потому что суббота. Четыре других озвучили такой ценник, что я только вежливо, очень вежливо поблагодарил.

Звон колокола усиливался, а что творится в прихожей, представить я не пытался (судя по звукам, там приключался некий локальненький армагеддец). Соображать, кто и за что прислал нам с барбосом такой вот милый «приветик», было тоже не время. Сообразить стоило, что всё-таки делать, но вот этого, хоть убей, не получалось. Гугл? О, он заботливо рассказывал, что же лучше – пять частей любистока или четыре сангрии. И как их лучше добавлять в череп невинно убиенного чёрного котёнка, отдельными шепотками или за раз.

Из молитв я помнил только «Отче наш». Две первые строчки. Вы, конечно, скажете, что я тупой, и в этом страшном мире «Молитвослов» вообще нельзя из рук выпускать. Ну а сами-то вы как, не выпускаете? И вообще, что это за жизнь, с «Молитвословом» в руках. В конце концов, мне двадцать девять, и это моя первая магическая атака. И ни с кем из моих друзей и знакомых, ничего похожего, никогда. Ну а как с твоими знакомыми, пёсель? (Гав!)

Это так, шутка в тему, кому не понравится, скажет, что не в тему, я не в обиде, но кстаги да, барбос мой наконец-то тявкнул. Крайне жалобно. Я бы даже сказал, жалко. Он у меня вообще по натуре не герой, и я его не виню. Почему? Да просто потому что стараюсь не требовать от окружающих того, чего не имею или не умею сам. Мудрость? Лайфхак!

В общем, он гавкнул, и вообще по всему было видно, что и ему сильно не нравится то, что происходит. От этого оно, разумеется, происходит не перестало, происходило и происходило, а именно: крест принялся потихоньку, но всё быстрее и быстрее вращаться, а вокруг него собиралась какая-то синеватая дымка (да, точно, в синем свете это было прямо дабл-блю!).

Колокол разрывался как на пожар, и только капающее мне прямо в мозги неизвестно что периодически «размывало» эти звуки до вполне себе терпимых.

Вскоре стало понятно, что крест «работает» как веретено, вытягивает нити из этой дымки.

Когда дымка «обнитилась» и намоталась вся без остатка, всё остановилось. Колокол стих. Аудио-ад в прихожей прекратился.

Зато ожила чёртова дымчатая нить. И вот что она начала делать: чудиков всяких. «Чудики» – это я ласково, на самом-то деле это были какие-то сущности. Мелкие, злобные... На кого похожи? На лягух на задних лапах, что-то такое, да ещё и зубастое, да ещё и размером с приличную крысу. Нить изгибалась таким лягушачьим силуэтом, вжух – и силуэт заполнялся «содержимым». Ну а содержал он, как я уже сказал, – лягуху.

Нить понаделала их штук тридцать, наверно. В полной тишине («вжух» – это я уже про себя добавлял, чтоб окончательно не приуныть).

Зубастые лягухи стояли вокруг креста, озираясь, как будто искали жертву, но не видели. Когда нить прекратила клепать всё новых и новых, они все разом уставились на меня. Словно только что увидели!

Я понял, что они собрались делать (это и слабоумный бы понял, я не хвалюсь, просто продолжаю свои «что вижу, то пою»). И они так и сделали: пошли на меня. На нас с Тошкой.

Что сделал я? Я сделал странную вещь. Странную для человечка постарше шести лет. А я, как вы уже поняли, как раз такой человечек. *Я спрятался под одеяло.* Тошка моментально полез вслед за мной и прижался к моему боку.

Надеялся ли я на то, что одеяло спасёт меня от непонятных мистических лягухоподобных? От магатаки в целом? Я сам не знаю, на что надеялся. Это было как-то инстинктивно. Просто движение в ответ на движение, они пошли – я залез.

Капнула очередная капля, размывающая моё сознание, я едва цеплялся за реальность.

Снаружи было по-прежнему тихо. Тошка по-прежнему жался ко мне. Только вот... только вот каким-то он был, на удивление, нетёплым. Да, сначала я так и подумал – «нетёплым», боялся подумать «холодным». Я поводил пальцем по его шерсти... по его шкуре... шерсти-то и не было! Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё...

– Тоша, это ты?

– Ага, – говорит, – а кто же?

Отче наш... Я приподнял одеяло. Рядом со мной лежала огромная синяя ящерица. Знаете, такая – как кусок гигантской змеюки, только с лапками. Тритон. Тритоша. Тоша. Господи, так ведь у меня никогда и не было собаки! Вот что я подумал. Потом я подумал, что делать теперь уже всё равно нечего, представил, что это всё равно, несмотря ни на что, вот вообще ни на что, мой Тоша, просто он превратился, ну так что? *Да ничего.* Бывает.

Перед тем как меня вырубил следующая «капля бессознания» (кап!), я пробормотал что-то типа «иди сюда, Тритоша» и обнял нетёплого его. Нетёплого не его... В общем, я обнял то, что было рядом. Кап!

Что дальше? Дальше проще. Утром таки приехали муниципалы. Всё тут почистили, меня в больничку, протокол расследования, всё как надо. Вы будете смеяться, но атака была даже не на меня. Даже не на соседей. На чувака из коттеджа, это вообще через квартал, вот настолько эти криворуки с координатами промахнулись! Бывает. Хорошо, что редко. Очень редко. Чтобы под такое попасть, надо быть конкретным таким «везунчиком».

Но я и просто везунчик, без всяких там кавычек. Как сказал магкорректор в больничке, меня спас мой несуществующий эрдель. Как? Вот так. Психика – штука тонкая, и мои кусаемые колдунством мозги вдруг выдали этот трюк – нарисовали мне собаку, о котором я давно мечтаю, да всё что-то не судьба. В результате я и от inferнальной змеюки не отмахивался, и правильно сделал. Тоша-Тритоша, хех. Если бы отмахивался, запаниковал и так далее – мне 3,14здец вот прямо стопроцентный. Когда я думаю об этом, мне жутко. Но я всё равно думаю. По-моему, есть в этом что-то не только жуткое, но и важное.

Да, и вот ещё важно. Может быть, даже мораль, хотя не все любят это слово (я тоже не люблю, а что делать): э, у, ау, поаккуратнее с координатами! Кругом, если что, люди. Сидят в своих преферансах, бегают в варфейсах, и крутящиеся кресты посреди хаты им нафиг не

нужны. Это я вам на своём печальном опыте... Средне-печальном. Везунчиковом. В общем, на личном опыте и с полным правом.

А за собакем я еду уже завтра. Кто-нибудь угадает, как я его назову?)

Голова

*Нет ничего важнее Памяти Предков.
Откровения Первозаэров, 12:14*

Больше жизни, больше, чем можно себе представить, любил молодой дон Скармега юную жену свою, донью Лисинору. Не прошло и пятнадцати минут после звонка из госпиталя, как он был у неё в палате. Имей он крылья, прилетел бы, но крылья у драконов бывают только в сказках.

– Лиси, милая!

– Жарко, Скарми... – слабым сонным голосом пожаловалась она.

Госпиталь Святого Ящера-Затворника – очень и очень хороший госпиталь, одноместка такая большая и светлая, зеркальный пол, тонкие нежно-голубые занавески на окнах, цветы и фрукты на тумбочке, но, несмотря на кондиционер, действительно было душно. Видимо, из опасений простудить пациентку его включили на слишком мягкий режим, не справляющийся со зноем, захлестнувшим городок.

– Сейчас поправим! Так... – Дракон рывком выкрутил регулятор до предела. Он ликовал. Лисинора пришла в себя! Она говорит! Всё обошлось!.. Но обошлось, как оказалось, совсем не всё. И кто знает, сколько лун поменяется прежде, чем их жизнь вновь наладится.

Можно сказать, что именно жара и была первопричиной всего случившегося. Жара – и большое, огромное невезение.

Вчера, в третий выходной второго месяца, весело заискрившись, сгорел новенький, подаренный на свадьбу климатизатор. До вечера произнемогав от редкого для этой поры пекла, молодая пара решила отправиться за город, на Продольные озёра. Предпринять эту поездку днём они просто не нашли в себе сил – не хотелось даже двигаться. Казалось, сам воздух плавится, и нагреваются вещи, от которых такого просто не ожидаешь – штора, газета, столик...

Однако дракон-скаргас предполагает, а Высшие Силы располагают, и добраться до озёр супругам не довелось. Вместо цветных шезлонговых полосок на ярком песке и прохладных брызг на чешуе – занос, удар, скрежет металла и ухнувшее в темноту сознание. Авария на перекрёстке, не доезжая до городской черты совсем чуть-чуть, какие-то полкилометра.

Дон Скармега пришёл в себя довольно скоро, ещё в медэкипаже, бедняжка же донья – только сегодня. Дорого, ох как дорого отдал бы молодой супруг за то, чтобы было наоборот. Молодой супруг – и будущий отец!

Да. Именно так. Прекрасная Лисинора носила во чреве их чадо. В начале четвёртого месяца на свет должен появиться маленький чудный дракончик-скаргасик с тонкими лапками, мягкими коготками, нежным полупрозрачным хвостиком. Только бы всё было хорошо, только бы...

Пока же от этого «хорошо» их накрепко отделяло происходящее. И дело было не только в том, что бедняжка отвратительно выглядела – ну а кто выглядит по-другому в сложившихся обстоятельствах? Чувствовала-то она себя неплохо. Неплохо, но странно. С нею явно творилось что-то не то. Не то, а что? Внятного ответа на этот вопрос не находилось.

Сегодня, в четвёртый выходной, лечащего врача не было, по отделению дежурил совсем молоденький доктор-магистрант. Всё, что он смог предположить – последствия аварии. Не надо быть семь пядей в драконьем лбу, чтобы понять: это скорее хронология, чем объяснения. Была авария – а теперь есть это. Последствия.

Дело в том, что Лисинора кое-что забыла. И «кое-что» – это ещё мягко сказано. Очень мягко. Она забыла то, что забывать немислимо. Такая «забывчивость» просто в голове не укладывалась, Скармега никогда не слышал, что подобное вообще бывает.

Как только кондиционер заработал на полную мощность, бедняжка с облегчением сказала:

– Как хорошо. Хорошо и даже прохладно.

Потом она потянулась за покрывалом, смятым в нижних лапах, и вдруг застыла.

– Милый... Что это? – шёпотом, полным ужаса, спросила она.

– Где?

– Это... – Лисинора показывала на свой беременный живот, и голос её срывался.

– Это... – начал было Скармега и умолк. Он вдруг понял, что не знает, как ответить. С какого момента она не помнит? Почему изумляется?

– Я за доктором, милая. Я сейчас...

– Первозавры Всемогущие! Скарм, это опухоль?

– Это малыш. Всего лишь наш малыш, – попытался улыбнуться будущий отец, вполне понимая, что получается не очень.

– Я съела нашего малыша?!

– Нет, нет. Лиси, ты не... Нет, пойми...

Вид у супруги был такой обалдевший и несчастный, что благородный дракон шагнул к ней и, ничего не говоря, прижал к своему плечу её гибкую, такую родную шею.

– Ай, – дёрнулась супруга, – осторожней. Там шишка...

Пришлось немного ослабить объятия.

– Скарми... – снова послышался её голос из-за плеча. – Я вижу...

– Что ты видишь, родная? – гладил он бедняжку по вздыбленным чешуйкам.

– Я вижу своё отражение на полу. У меня нет головы... У МЕНЯ НЕТ, НЕТ ГОЛОВЫ, ЧТО ПРОИСХОДИТ, СКАРМИ???!?!!

Лисинора с силой оттолкнула супруга. Он ударился хребтом о стенку и, уже не медля ни секунды, выскочил из палаты, бормоча себе под нос что-то вроде «я сейчас... я позову... ты только подожди». Почему-то ему казалось, что врач непременно и очень быстро всё исправит, тут же скажет, что это такое и как с этим быть, дело только за тем, чтобы поскорее его привести.

Врача не хватило даже на то, чтобы не выказывать растерянности, уверенно талдыча, что всё это пройдёт. Сквозь заикания и «эммм...» было ясно как раз обратное: он не знает, пройдёт или нет. Или даже хуже: сомневается, что пройдёт.

– Вероятно, она сс... сильно ударилась... эммм... шейным отделом... Хорошо, что малыш в... вв... вне опасности.

– Точно? Точно малыш вне опасности? – впился глазами дон Скармега в часто моргающие глаза магистранта.

– Я сс... считаю... – замямлил тот. Но его перебила взвившаяся под потолок Лисинора:

– Шейным отделом? Шейным? А вас не смущает... Доктор! Вы – скаргас?

Вопрос был риторическим. Доктор быстро кивнул, но спустя секунду всё-таки решил подтвердить это вслух:

– Дда. Я дд... дракон-скаргас.

– Голова у вас – есть?

– Лисинора! Лиси, детка! Перестань! – взмолился дон, воздев когтистые холёные лапы к безупречно белому потолку.

Доктор опять покивал и, всё сильнее заикаясь и как бы выбирая каждое слово, выдал:

– Я дд... ддракон-скаргас. Но я – ммужчина. Поэтому у меня есть гг... голова. Вы, ддонья Лисинора, жж... жжж... женщина. Головы у вас ннет и ббыть не может. Пп... потому, что её никогда и не... и не ббыло. У драконов-ссамок нет гг... головы. Есть... эммм... есть прекрасная шея... сс... статная холка... чч... ч... чрево для вынаш... шшивания...

Скармега предостерегающе поднял межбровную дугу.

Лиси прикрыла верхними лапами шею, как в тоске и отчаянии прикрыла бы морду, если бы таковая имелась:

– Это невозможно... Невозможно... Вы меня слышите?

Доктор и дон переглянулись. Ответил доктор:

– Это не только возможно, но и нн... н... нормально. Еээ... Естественно.

– Невозможно...

– Вам нн... нельзя вволноваться, – осторожно продолжил доктор. – Ннужно сспокойствие. Ваш ммалыш...

– Да! Малыш, – словно бы вспомнила донья, убирая лапы от несуществующей морды. –

Меня ждёт операция?

– Кккакая?

– Достать малыша.

– Нн... нет. Он... эммм... он выйдет. Сс... сам.

– Откуда?

– Отт... оттуда.

Дон Скармего сделал упреждающий жест в сторону врача, недвусмысленно давая понять, что всё объяснит сам.

– Дорогая. Малыш появится на свет снизу, меж твоих длинных, любимых мною лап. Так, как появляются на свет драконы тысячи лет. Всегда. Из поколения в поколение.

– Откуда? – тупо повторила молодая дракониха.

– Я ппожалуй ппойду... Завтра ввас осмотрит... эммм... ваш лечащий врач...

Доктор уже выскальзывал из палаты, когда в него буквально врезался санитар-драгонпиг.

– Ак... ак... аккуратней!

– Хрю. Прю... Прустите. Рюзулътат прусвечивания, увии, – непроизвольно взвизгнул запыхавшийся драгонпиг, протягивая доктору голубую бумажку с блеснувшей золотом печатью госпиталя.

– Спасибо, ссвободен...

– Это Лисино? Лисино просвечивание? – заволновался Скармего.

– Дда... Ттгут написс... сано, что...

– Дайте-ка! – довольно бесцеремонно вырвал дон бумагу из лап незадачливого эскулапа. – «Гематома... крайний сегмент шейного отдела... Высока вероятность... преходящая симптоматика псевдоголовия...». Что это значит? – уставился он на доктора.

– Значит, что... что её организм восс... спринимает эту г... гематому ккак ззачаточную голову...

– И поэтому она говорит все эти ужасные вещи?

– Ввероятно... С ккратковременной пппамятью всё ххорошо, а ввот с Ппамятью Ппредков... – Мягким, но точным движением доктор выхватил у Скармего заключение и исчез из палаты, не дожидаясь новых вопросов.

Задумчиво повозив кончиком хвоста по зеркальному полу, Скармего вздохнул и присел на кровать рядом с супругой.

– Лиси, милая...

– Невозможно...

– Да что ты заладила! Что тут невозможного! – хлопнул он себя по коленям. – Ты женщина. Ты продолжишь мой род и восславишь свой. Это смысл твоей жизни, истинный, единственный смысл. Это... святое, – немного смутившись, добавил он. – Ну, что ты молчишь? Посмотри на меня.

– «Посмотри»? Чем я, по-твоему, посмотрю, если у меня нет головы? Где мои глаза? Как я говорю? Как дышу? Чем я понимаю? Если! У меня! Нет! Головы!

– Не так уж много ты и понимаешь, – скороговоркой пробормотал дон.

– Что?!

– Лиси, родная... Ответ на все вопросы прост, просто ты его забыла. Но вспомнишь, я верю, что вспомнишь. На то, чтобы говорить, и видеть, и дышать тебе не нужна никакая такая голова. «Ты – женщина, ты – книга между книг...». То есть что-то совершенно особенное, понимаешь? Помнишь, чьи это слова?

– Дона Брюссо?

– Помнишь! Вот видишь! Ты существуешь по законам женской магии. Как бы тебе рассказать... Щёлкни пальцами.

– Сейчас? Зачем?

– Ну, ну. Щёлкай.

По боязливому щелчку Лисиноры в воздухе образовалось пухлое красное сердечко. Через секунду оно лопнуло, осыпав драконицу с головы до ног... с шеи до лап кроваво-рубиновыми брызгами. На дону попало немногим меньше.

– Видишь? Магия! – восхитился он, слизывая с себя «рубины».

– Вижу, – буркнула Лиси, пытаясь вытереться, но брызги были вязкими и только размазывались, оставляя дорожки на светло-серой чешуе.

– Магия... – тихо повторил Скарм.

Вдруг он наклонился и начал лизать Лисину нижнюю лапу.

– Что ты делаешь?

– Чищу.

– Чистишь?

– Да. И всё чище и чище, чище и чище...

– Куда ты?!

– Туда...

Маленький, толстенький, нелепый, как все драгонпиги, санитарчик, тихонько повизгивая, плакал в хозблоке.

Он вытирал короткими малоразвитыми лапками пяточок. Он всё понимал, и это было трудно.

Донья не поправится, нет, не поправится. Нет никакой «гематомы», и авария тут ни при чём. Всё это ложь, пустое враньё.

Об этом не говорят пациентам, пытаясь избежать паники, но правда в том, что у самок благородных скаргасовых драконов начали отрастать головы. Несчастные драконицы перестают понимать естественное, изумляются правильному, забывают истинное.

Правда в том, что рушится Память Предков, а нет ничего важнее Памяти Предков. Мир переворачивается с лап на головы, ужасные, противные традициям, противные самому течению жизни женские головы. Уви-уви, уви-уви.

Правда в том, что это конец света, а конца света в мешке не утаить. Уви-уви, уви-уви.

Правда в том, что сегодня утром его жена, совсем промежду прочим, спросила: «О повелитель Хруги, как ты думаешь, мне бы пошла голова?».

Поливать, пересаживать

Для меня уже давно было загадкой, сильно интересовало: почему люди, у которых полно времени, никогда не расходуют его по уму? Будут лежать, ходить из угла в угол, даже в гости уйдут, но не приведут в порядок своё жильё, свою одежду. Иногда мне казалось, что от лежания у них времени только больше, оно прибавляется. И это ещё что касается людей. А брат у меня всегда был чушкой. Моё утро начиналось с того, что я сбрасывала его вчерашние штаны со своих учебников, со стола, где учебники были. Почему надо было отправлять эту грязь ко мне на стол? Ведь можно было под стол хотя бы. Под стол ведь и легче. Я ему и показывала, что вот, мол, как высоко надо твои белы рученьки поднять, чтобы *на*, а не *под*... Мы не ссорились, но я недоумевала. Уже тогда у меня не было времени, я едва успевала, всё было бегом – учёба, мечты, у меня на одни цветы по сорок минут уходило, а его я могла наблюдать только на корточках в подъезде или лежащим на диване. Оказались как-то вместе в гостях, так он и в гостях лежал. Прилегла к нему девочка, вот так они и познакомились.

Это потом уже, недели через две, у нас этот разговор зашёл. Я его стала спрашивать, что за девочка, куда этот поезд идёт, и вдруг он вполне серьёзно отвечает:

– Квадратная девочка. И поезд туда идёт – в квадрат.

– А куда он должен идти? В круг?

– Да, в круг. Это бы лучше было.

– Почему (такая дискриминация квадратов)?

– Потому что у них углы есть. Так и будешь по углам носиться – то в один угол, то в другой.

– Да. И некогда будет валяться. Гадить мне на стол.

– Гадить? Ну ладно...

У него был такой тон, что я испугалась. Даже приснилось что-то такое. В общем, я испугалась, и хорошо, что испугалась. Как-то ночью просыпаюсь, а из кухни свет. Подумала, может, читает (он всегда читает), но что-то (интуиция) меня заставило встать. Пошла на кухню, а он там, спокойно, на меня не взглянув, продолжает химичить. Облатки от таблеток, сами таблетки, а он в стакане болтает какую-то болтанку грязно-серую.

– Эй, – говорю. – А это что за срач?

– А это не срач, – и берёт стакан и эту болтанку во всё лить начинает: в графин с водой, в ковшик с кашей.

До меня как-то сразу дошло, что это он уже гадит.

– Это ты уже гадишь? – спрашиваю.

– Да, – говорит.

Я села и стала думать, что же теперь делать. Мне всегда было ясно, что у него психика нарушена, и всё от этого, неряшливость его, лёжка бесконечная, время это неиссякающее. И я всегда опасалась, за себя опасалась, за учебники, за посуду. А тут мне его жалко стало. Что с ним будет? где он уже сейчас? Может быть, для него уже сейчас этот ковшик с кашей – инопланетный корабль... Я решила с ним поговорить, по-хорошему так поговорить.

– Вова! Если бы ты знал, как трудно постоянно убирать за тобой, – вот что у меня само собой вырвалось...

– Не убирай, – говорит.

– Чем ты сейчас занимаешься? Мне с утра всё это вывозить? И вообще – ты меня что, отравить собрался?

– Немножко, – говорит.

– Немножко? Ты даже не понимаешь, что так не бывает?

– Почему? Если литр водки выпьешь – будет сильное отравление, а если стакан – не сильное, только немножко. Ты выпьешь немножко моих таблеток, они же в разведении.

– Ну хорошо, расскажи мне, что будет дальше... – И он стал рассказывать.

Он уже давно поит всякими составами цветы, и им от этого ничуть не хуже, а напротив, лучше. Они становятся гуще и ярче, выше, пока ни дорастают до потолка, ни становятся золотыми. Такими красивыми, такими огромными, сколько же с ними забот. Их надо обирать, растить новые, всё время ухаживать, он лежит только когда я дома, а в остальное время занят, цветами и составами, записями, результатами, – он всё может показать. Уже испробованные составы он пьёт и сам. Конечно, золотым цветком до небес он не стал (улыбается: «не стал»), но мысли он читает...

– Все мысли? – спрашиваю.

– Все, – говорит.

– О чём я сейчас думаю?

– О времени, – говорит. – Правда?

И ведь нельзя сказать чтобы ошибся.

И Древняя Тьма накрывает наш стол

– Что ж. Красота!

Уничтожитель Древней Тьмы, боевой маг Сафанада с удовольствием оглядывал роскошные апартаменты для специальных гостей города. Всё было великолепно: изысканные яства на хрустальном столике, белоснежный ковёр под ногами, дорогие светильники, услаждающие глаз даже светлым днём, легчайшая не улетающая звездчатка, толстым слоем рассыпанная у открытого окна. Город не поспешил. И разумеется, не без причин.

По словам местного советника, Древняя Тьма начала выбираться только вчера, но горожане были всерьёз напуганы. Как раз во время её вылазки мимо Древнего Хранилища проходили два плотника. Оба до этих пор в ужасающем состоянии, пострадал даже стол, который они несли и за который пытались спрятаться.

Сафанада закинул в рот виноградину и прошествовал к распахнутому окну. Настроение было прекрасным. Мысль о завтрашнем сражении бодрила. Маг был дородным, видным мужчиной, отличным воином, знающим цену себе и своему дару, и опыт эту цену неизменно подтверждал: более трёх сотен сражений, оконченные безоговорочной победой, нужны ли другие подтверждения? В том, что сражение состоится, он не сомневался. Тьма редко просыпается в одиночку, обычно это небольшая группа, и после первой атаки следует затишье, как будто в ожидании ответного хода. Сафанада чувствовал – ждёт она и теперь.

Не торопясь приниматься за трапезу (что может быть глупее, чем торопиться к тому, что и так тебя дожждётся?), он с интересом разглядывал глыбоподобное строение напротив – как раз то самое Хранилище...

– Господин хороший маг... можно?

Сафанада обернулся. В дверях торчала голова юноши, его юношеская физиономия выражала тот же вопрос, что был задан слабым, задыхающимся голосом.

Ну что за наглость! Все необходимые договоры с городом позади, обед на столе, так чёрт возьми, кто же это?

– Говори, – нахмурившись, приказал Сафанада.

– Яаа... – запел тусклый голосок. Очередной рывок сквознячка стукнул парня по голове и не иначе как сбил его со слабенькой мысли. Он замолчал и только тарачился на мага своими откровенно глупыми, выпуклыми, как у речного шароока, глазами.

– Зайди, – отдал новый приказ Сафанада. Это было последнее, что он хотел бы приказать, но если не решить вопрос разом, он никуда не денется, а может и усугубиться. От глупых людей больше всего неприятностей, а юноша производил как раз такое впечатление. – Так что же тебе нужно? – Сафанада уселся на длинную софу с придвинутым к ней хрустальным полушарием стола и требовательно смотрел на незваного гостя. Тот был на редкость неказистым и невзрачным: бледный, как вываренная поганка, долговязый и сутулый, ни здоровьем, ни силой похвастаться он не мог уж точно. Беден? Ответа на этот вопрос Сафанада пока не нашёл. Одежда как будто и добротная, но словно бы с чужого плеча, а манеры... О манерах и говорить не приходится.

– Господин хороший маг, яаа... я Абагала. Я с вами пойду, – выдохнул юноша. Теперь уже вытаращил глаза Сафанада:

– Куда?

– Туда. С вами...

Маг рассмеялся так безудержно, что даже голову закинул. Давно его так не веселили.

– Да ты, никак, собрался сражаться с Древней Тьмой, сынок? – спросил он, когда приступ смеха наконец отпустил.

– Это всё город. Городу нужен кто-то для сражений. И чтобы он был здесь всё время. Чтобы был... чтобы жил.

– Был, жил... Постоянный уничтожитель, этого хочет город?

– Да, а я... я смогу. Мне только надо с вами, чтобы...

– Посмотреть, что да как? Поучиться? – Маг отхлебнул прямо из графина целебнейшего и вкуснейшего нектара олюаны. Что-то в его горле как будто всё ещё клокотало от смеха. – Откуда же тебе знать, что ты и вовсе сможешь? Разве ты мог где-то попробовать?

– Мне сказали...

– Кто?

– Предсказатель. Он знает.

– Я знаю, что он знает! – громыхнул маг. – Что конкретно он знает? Так и сказал – можешь уничтожать Древнюю Тьму?

– Даа, – закивал Абагала почти что радостно. – Могу и буду, прямо завтра...

Сафанада задумался. О присутствии в номере долговязого нескладного юноши он словно бы забыл.

Маг не работал с напарниками, маг не работал с учениками, и этим правилам изменять не хотел. Но было у него и другое правило: никогда не спорить с предсказателями, ибо они – проводники судьбы. С такую штукой, как судьба, спорят лишь глупцы и обречённые, а хитрые предсказатели всегда оставляют лазейку для спора. Никто не договаривался с магом ни о каких дополнительных условиях, и вот является этот слабосильный герой, которого так и хочется отправить восвояси! Откуда в этом задохлике редчайший дар воина? С Древнею Тьмой способны сразиться единицы, так неужели это невзрачное существо может входить в их славное ограниченное число? Однако – предсказатель. Спорить с ним Сафанада не решится. В конце концов он не берёт паренька в ученики, речь идёт лишь о завтрашнем сражении. А нравиться Сафанаде ему и не нужно. Не дева же он Зурбаганской Долины!

– Сколько тебе лет? – властно спросил маг у безропотно ждущего Абагалы.

– Осьмнадцать.

– Не густо, – вздохнул маг. – Что ты слышал за все эти годы о Тьме?

– Что она Древняя...

Сафанада схватился за голову, но превозмог себя и начал долгое, как дорога в Кивы, терпеливое объяснение – как выглядит Тьма, в чём состоит высокое искусство боя...

– И запомни: нет ничего более бессмысленного, чем пытаться от неё увернуться или спрятаться. Наши славные предки были куда могущественнее нас, но всё, что они сумели – позаманивать её в удобные вместилища, где она, словно ленивая котобара, до поры до времени спит. Но только до поры до времени, а когда просыпается... В её магию входит заряд повсеместного преодоления, и нет таких окон, нет таких дверей, которые бы перед нею не открывались.

– Не открывались... – замороженно шептал Абагала.

– И запомни: по окончанию боя необходимо сказать: я – победил.

– Я – победил... – повторял Абагала.

Слушал он очень внимательно, а в конце объяснения мечтательно сказал:

– Уже завтра...

Сознание меркло и, казалось, покидало Сафанаду, но он снова и снова восставал из тёмного пепла бессознания. Тьма атаковала наскоками: вспышка – и новая атака, и снова вспышка – и новая порция поблёскивающей, как раухтопаз, Тьмы. Уничтожить их можно лишь поглотив. И маг поглощал.

Он поглощал любую порцию – маленькую, большую, гигантскую, непомерную, следующую сразу за предыдущей.

Горло жгло, всё нутро горело, дыхания не хватало, но он был уничтожителем, и он это мог.

Мог так, как не могли другие, падающие в изнеможении, захлёбывающиеся даже чуть большей мерой, чем та, что вмещали их непривыкшие рты.

Мог так, как не могли теряющие силы и соображение скорее, чем Тьма соберётся на новый прыжок.

Мог так, как не смог Абагала. Парня вырубил на третьем её наскоке.

Сафанада не ошибся – Тьма ждала. В сырой подвальной тишине послышался гулкий щелчок – открылось вместилище, – стоило уничтожителям пересечь порог. Или уничтожителю. Одному. Абагала, похоже, им просто не был, его обманули, по чьей-то злой воле или невольно. А быть может, мага обманул он сам? Сражённый, как самый обычный человек без всяких способностей к битве, он лежал на каменном полу, не отзываясь, не шевелясь, почти не дыша.

– Абагала! Абагала! – тряс его маг в промежутках между тёмными атаками. Не в помощь себе – ни о какой помощи маг, само собой, не помышлял. Просто он знал, тысячу раз о таком слышал: когда бой будет окончен, и его никчёмный напарник очнётся, первое, о чём он объявит – что тоже мог бы, тоже может, тоже хочет, и вот в следующий раз... Магу плевать на чей-то следующий раз, этот следующий раз как-нибудь без него, однако утомлённый битвой, он может просто не выдержать, и тогда несостоявшемуся напарнику не поздоровится так... не поздоровится как...

Сафанату настигла очередная порция, его передёрнуло, в глазах потемнело, поплыли бордовые круги и лиловые овалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.